

Помогают ли опыты на простейших понять трагические события в отечественной биологии? (Реплика участника этих событий)

В последние годы найдены и опубликованы многие документы, важные для историографии отечественной науки, но хранившиеся в ранее закрытых архивах. Очень долго не было обнаружено письмо группы ленинградских генетиков, адресованное А. А. Жданову в июне 1939 г. А ведь оно послужило поводом для созыва совещания по вопросам генетики и селекции в октябре того же года, организованного редакцией журнала "Под знаменем марксизма" по поручению Центрального Комитета ВКП(б). Так получилось, что я—аспирант кафедры генетики растений Ленинградского университета (моим руководителем был Г. Д. Карпеченко) —принимал участие в его подготовке. А потом остался последним, кто помнил о нем. Первая и не совсем точная краткая информация о "ленинградском письме" была опубликована в книге В. Н. Сойфера "Власть и наука: История разгрома генетики в СССР" (1989, с. 315-316) со ссылкой на мое устное сообщение. Затем она вошла в мои воспоминания (Репрессированная наука. 1991, с. 272), но также не была совсем точной (простительные ошибки памяти).

Не сомневаясь, что этот документ надежно хранится в каком-то архиве, я просил коллег, занимающихся архивными разысканиями, найти его. Это удалось Н. Л. Кременцову, частично опубликовавшему его в книге "Stalinist science", а теперь и в настоящем сборнике. Моя "реплика" не относится к этой книге в целом. Она несомненно является серьезным вкладом в историографию нашей науки, вводит в научный оборот множество новых материалов и их трактовок.

Однако огорчает, что пока письмо известно только в отрывках, не дающих полного представления о его содержании. Будем надеяться, что в недалеком будущем всем исследователям будет доступен документ в целостности. Серьезнее другое. Публикуя лишь отрыв-

ки текста, Кременцов не позволяет судить, насколько корректно использован документ в поддержку весьма спорной концепции. К ней и следует обратиться.

По словам Кременцова, он подходит к развитию лысенковщины с экологической точки зрения. За основу анализа берется в качестве "метафорической модели" сформулированный Г. Ф. Гаузе "принцип конкурентного исключения", основанный на результатах экспериментов на простейших. Им установлено, что при конкуренции близких видов, потребляющих в условиях изоляции один и тот же ограниченный пищевой ресурс, один из видов вымирает (исчезает). Такая же борьба, по мнению Кременцова, проходила в 20—30-х годах между "формальными генетиками" во главе с Н. И. Вавиловым и агробиологами во главе с Т. Д. Лысенко. Они боролись за "ресурсы" по существу одинаковыми методами, обещая хозяевам ресурсов, т. е. партийно-государственному аппарату ценные практические результаты своей деятельности и заверяя в верности диалектическому материализму—официальной идеологии эпохи. Цель была одна — добиться начальственной поддержки и, в итоге — ликвидации (исчезновения) конкурента.

Внешне, может быть, так и выглядит. Во всяком случае, автор старается убедить в том читателей, используя в том числе и цитаты из "ленинградского письма". Но, если Гаузе имел дело с действительно близкими биологическими видами, то Кременцов пытается оперировать с социальными явлениями совершенно разного происхождения и разной природы, и назвать которые близкими невозможно.

Попробуем охарактеризовать конкурентов. С "формальной генетикой" все очень просто. Надо только заменить бессмысленный эпитет, данный или врагами ее, или элементарными невеждами, и назвать ее нормальной генетикой, и все становится на свое место. Нормальная генетика была частью нормальной мировой науки. Не существовало особой советской генетики. Интернациональное генетическое сообщество объединяла общая концептуальная база и общий методологический аппарат.

Сложнее дело обстоит с "агробиологией". Это—совершенно уникальное явление в мировой истории не одной биологии, но и всего естествознания. Это даже не псевдонаука, а антинаука. Известно, что разнообразные лженаучные представления появлялись и появ-

ляются во всех странах и во все времена. Зачастую они процветают. Возникновение и распространение их не связано напрямую с какими-либо общественными условиями, они — продукт аберрации человеческого разума, неистребимой веры в чудесное, непонятное. Но стать государственной доктриной, обязательной частью официальной идеологии, вытеснив нормальную науку, превратившись в чудовищную раковую опухоль, антинаука могла лишь в нашей стране только в 30-е годы, когда после "великого перелома" сформировалось сталинское закрытое общество.

Лаконично и точно ответил одному читателю редактор американского журнала "Journal of Heredity", печатавшего критические материалы по лысенковщине. Читатель обвинил журнал в необъективности — в нападении на Советский Союз, и умалчивании о том, что в США процветает мракобесие, оккультизм, астрология, вера в колдунов и т. д. Редактор ответил: "Да, все это есть у нас, но у нас невозможно объявить об одобрении чего-нибудь подобного Центральным Комитетом."

Именно принципиальное различие конкурентов, отнюдь не сходство, предопределило остроту борьбы между ними и невозможность их сосуществования и "метафорическая модель" здесь ни при чем.

Кременцов оставляет в стороне научное содержание борьбы, не анализирует взгляды борющихся сторон и даже не дает им оценки. Может быть, об этом уже незачем говорить? Но без такой оценки нельзя подвести окончательные итоги борьбы. Да, после прекращения партийно-государственной поддержки (имеется точная дата — 14 октября 1964 г., когда был свергнут Хрущев), когда исчезновение лысенковщины стало неотвратимым, уже не требуется доказывать ее антинаучность. Достаточно указать на то, что ни одно ее теоретическое положение не осталось в мировой науке, и не оказало какого-либо влияния на ее развитие. Такую "привилегию" имеет только сто-процентная антинаука. Та же судьба постигла и все ее многочисленные практические рекомендации.

Несостоятельны и попытки как-то связать некоторые достижения современной генетики с лысенковской критикой менделизма. Генная инженерия не имеет никакого отношения к лысенковским "вегетативным гибридам". Наследование приобретенных признаков в результате взаимодействия облигатных и факультативных ДНК-и РНК-носителей никак не связано с лысенковской "пердел-

кой природы растений методом воспитания". Тут Кремеицов несколько отступил от своего нежелания вдаваться в содержательную сторону борьбы. Он сделал скрытый реверанс лысенковщине, скромно указав в примечании № 99, что "к примеру", лысенковцы "справедливо указывали на разрыв между генетикой и эмбриологией" что "они были также правы, отмечая чрезмерное преувеличение генетиками роли хромосом в наследственности", так как через 10-15 лет цитоплазматическая наследственность стала одной из центральных генетических проблем.

В прекрасной статье М. Д. Голубовского "Сопереживание чуда: О генетике, какая она сегодня есть" (Химия и жизнь. 1997, № 4) показано как современное понимание возможности наследования приобретенных признаков возникло на основе естественного, хотя и бурного, развития классической генетики (генетики 20—50-х годов). Он пишет: "Возможность сопоставления постулатов или парадигм свидетельствует не о слабости, а о силе данной области науки. Отнюдь не следует думать, что теперь надо отказываться от классической генетики. Созданные в ее рамках методология исследований, система понятий и сделанные открытия—это золотой фонд, надежный фундамент, без твердой опоры на который невозможны все новшества".

Стоит упомянуть еще одну весьма характерную особенность. Речь идет о структуре лысенковского сообщества, о взаимоотношениях между ее членами. Только сам Лысенко (сначала на пару с Презентом, а после войны—без него) мог вносить что-либо принципиально новое в любую область науки или практики, от семеноводства и удобрений до жирномолочности. Это была привилегия человека, которого никому не разрешалось критиковать. Его сотрудники могли только подтверждать и пропагандировать озарившие его идеи. Копировалась установленная Сталиным монополия на решение всех вопросов. Даже "Вопросам ленинизма" Сталина соответствовала "Агробиология" Лысенко. Ничего подобного в нормальной науке не было и не могло быть. Диктаторская власть могла осуществляться только в антинауке.

Исключение из сферы анализа всей содержательной стороны борьбы, объясняет и отсутствие хотя бы намек на ее моральный аспект. Конечно, "добру и злу внимая равнодушно" (такой эпитафия выбрал Кремеицов для "Stalinist Science") можно успешно изучать

борьбу за существование у простейших. Можно не касаться моральной характеристики участников нормальных научных дискуссий. Но, когда борьба развивалась в экстремальных условиях, когда она шла между наукой и антинаукой, когда жертвами ее пали лучшие представители отечественной науки, игнорировать моральный фактор невозможно, более того, аморально.

Не буду говорить о морали лысенковцев, хотя имею о ней некоторое представление. Но о "формальных генетиках" говорить имею право, больше того—обязан. Молодые студенты и аспиранты, вовлеченные в борьбу с антинаукой, знали, что их учителями двигали прежде всего высокие моральные принципы, любовь к науке и к научной правде, в основе которых была честность. Одним из самых больших ударов, нанесенных Георгию Дмитриевичу Карпеченко между арестом Вавилова и его собственным явилось письмо пяти университетских профессоров (вдова Карпеченко не помнит их фамилий) с просьбой "ради спасения факультета" читать курс "мичуринской генетики". Он не мог вопреки своей совести лгать, чтобы спасти даже самого себя. У меня перед глазами Николай Иванович Вавилов, выступающий на совещании, проводимом редакцией ПЗМ. У него в руках только что вышедший ежегодник Департамента земледелия США, целиком посвященный генетике и селекции. С какой горечью он говорил о поразительных успехах американских ученых в селекции кукурузы, основанных на использовании инбридинга, фактически запрещенного у нас. Можно вспомнить подлинного рыцаря науки В. П. Эфроимсона, находившегося в лагере, но писавшего заявления в прокуратуру не о собственном оправдании, а о привлечении к суду Лысенко за тот вред, который он нанес науке и сельскому хозяйству.

А трагические слова Вавилова: "На костер пойдем, гореть будем, а от своих идей не откажемся."

Что это—борьба за пищевые ресурсы? В нашей науке были и герои и злодеи, однако в большинстве своем обыкновенные люди. Но моральный уровень сторон определялся уровнем их лидеров. Кременцов сетует, что в нашей биологической историографии господствуют только две краски: одна сторона изображена "белой", другая—"черной". Сам же он для всех использует только одну из них—черную.

После смерти Сталина ситуация во многом изменилась, но рычаги управления остались в тех же руках и генетикам пришлось опять обращаться к начальству. Не говоря о персональных обращениях, начатых письмом Маленкову А. М. Эмме, отправленным в августе или сентябре 1953 г., были и коллективные. Можно упомянуть редакционные статьи "Ботанического журнала" и "письмо трехсот" в Президиум ЦК КПСС. Мне известно как они готовились, как обдумывалось о чем уже можно писать, а о чем еще не стоит. К последнему письму присоединились самые выдающиеся физики, химики и математики. Тоже "принцип конкурентного исключения"?

Если уж обращаться к метафорическим моделям, то лучше всего посмотреть в Уголовный кодекс Российской Федерации. Обороняющийся может убить напавшего на него вооруженного бандита, и суд его оправдает. Конечно, в Уголовном Кодексе РСФСР оговаривался принцип "оправданной самообороны", согласно которому жертва преступления фактически не имела права причинить вред нападавшему. История оправдала генетиков. Так нужно ли возвращаться к традиции советской юриспруденции?

Что же касается ответа на поставленный в заглавии вопрос, то он отрицательный. Не помогают! Надо подыскивать другую метафору.